

Подход Р. Г. Назирова к мифу как социально и исторически обусловленному явлению открывает ещё одну сферу исследовательского интереса учёного: выделение в качестве центральной фигуры художника-мифотворца в процессе оформления национальной мифологии (художник как носитель национальных мифов, как их творец и как их герой).

С . С . Шаулов

«Назирровский» Достоевский¹

Ромэн Гафанович Назиров приобрел известность в отечественном и зарубежном литературоведении именно как исследователь Ф. М. Достоевского. Достоевским начинается и заканчивается его научная жизнь: ему посвящена и первая опубликованная работа ученого («Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива)», 1964 г.²), и последняя статья, подготовленная им самим к печати («Направленность трансформации в романе «Игрок», 2004³). Примечательно, что тема последней работы «рифмуется» с самой ранней неопубликованной монографией Назирова — «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”». Это, конечно, совпадение. Вряд ли можно говорить о неослабевающем интересе Назирова именно к «Игроку». Но совпадение — знаковое, указывающее на то, что специфику осмысления Достоевского Р. Г. Назировым нужно рассматривать диахронически, в постепенном развертывании литературоведческой концепции, не упуская при этом внутреннего единства и целостной логики этой мысли.

Для начала: что нам дается как исходный материал? До сих пор считалось, что достоевсковедческое наследие Назирова опубликовано относительно полно. Еще в советское время издана монография «Творческие принципы Достоевского» (1982), очень быстро ставшая библиографической редкостью⁴, но хорошо доступная сейчас в электронном виде, в Интернете. После нее вышел целый ряд обобщающих,

¹ Статья написана в рамках проекта МК-2325.2011.6 «Поэтика литературоведения: к проблеме оснований литературоведческого знания», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых и ведущих научных школ.

² Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива) // Ученые записки Башкирского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. XVIII. О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1964. № 7 (11). С. 169—183.

³ Направленность трансформации в романе «Игрок» // *Dostoevsky studies*. 2004. № 8. P. 130—139.

⁴ Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982.

в полном смысле слова программных статей¹. Кроме того, относительно доступна (в фондах РГБ и библиотеки МГУ) его кандидатская диссертация «Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов». Значительное место занимает Достоевский в автореферате докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул»². Однако диссертация защищалась в форме научного доклада, а поэтому полный ее текст пока совершенно недоступен литературоведческому сообществу.

Кроме частично обнародованных исследований по Достоевскому в архиве ученого сохранились и совершенно неизвестные его работы. Назовем некоторые из них: «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» (1962 г.), «Творчество Достоевского: проблематика и поэтика» (полный текст лекционного курса), большая монография по «Бесам», замысел которой не осуществился, но привел к появлению серии серьезнейших статей об этом романе (не все из них опубликованы). Кроме того, существует еще целый ряд сравнительно небольших работ, которые, даже не будучи законченными, тем не менее, заслуживают самого пристального внимания.

Таким образом, достоевсковедческое наследие Р. Г. Назирова до сих пор введено в научный оборот едва ли наполовину. Тем не менее системность назировской интерпретации и своеобразие его концепции истории литературы и культуры в целом очевидны. Однако от интуитивной очевидности до аналитического умозрения — большой путь, и пройти его совершенно необходимо по целому ряду причин, о которых мы скажем ближе к концу предлагаемой статьи. Разумеется, если подходить к делу ответственно, то предлагаемая работа не может рассматриваться иначе, чем предварительный очерк проблемы и, одновременно, проспект будущей публикаторской и исследовательской деятельности.

¹ Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 143—153; Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski) // Cahier de L'Herne Dostoïevski. Paris, 1973. P. 279—287; Автор и литературная традиция (о некоторых особенностях поэтики Достоевского) // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1 (5). Ижевск, 1974. С. 159—176; О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 202—219; Петербургская легенда и литературная традиция // Ученые записки Башкирского университета. Вып. 80. Традиции и новаторство. Уфа, 1975. С. 122—135; О выражении авторской позиции в романах Достоевского // Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 102—116; Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 88—95; Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978. С. 216—238; Петр Верховенский как эстет // Вопр. литературы. 1979. № 10. С. 231—249; Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. Саранск, 1985. С. 24—41; Проблема художественности Ф. М. Достоевского // Творчество Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург, 1991. С. 125—156 и др.

² Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул / автореф. дисс. ... докт. филол. н. Екатеринбург, 1995

Первая известная нам литературоведческая работа Р. Г. Назирова «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”» осталась неопубликованной (может быть, и не предназначалась для публикации). Возможно, она написана в рамках аспирантуры как определенное учебное задание. Тем не менее, впечатление ученической, школярской эта небольшая (около 4 п. л.) монография не производит. При всех своих методологических отличиях от более поздних трудов Назирова монография об «Игроке» уже являет нам многие характерные, «сквозные» свойства его научного творчества.

В первую очередь это — сама тема монографии. С нее, очевидно, начинается длинная череда назировских исследований проблемы прототипов самых разных персонажей Достоевского. Неизменным в дальнейшем будет и широкий исторический контекст подобных штудий. Вообще назировская мысль всегда отличалась широтой реального исторического контекста. Как видно уже по первой его книге это — постоянное свойство его научной мысли.

Основная ценность этой монографии, наверное, все-таки не в анализе романа, хотя он интересен и на момент создания труда вполне оригинален, даже несмотря на то, что Р. Г. Назирову в то время явно недоступен ряд серьезных научных источников. Наибольший интерес эта монография представляет с двух точек зрения: с одной стороны, в аспекте индивидуального становления исследовательского метода Назирова, а с другой, как проявление общих для советского литературоведения методологических тенденций.

Видно, что Назиров здесь находится еще в поисках своего подхода к литературе. Собственно, эта книга очень легко укладывается в традицию советского литературоведения (никакой иной гуманитарной традиции Назиров в ссылках к этой работе и не указывает). Главное, что отличает эту монографию от последующих трудов ученого — приоритет реальности перед текстом, тот самый социологизм, от которого он впоследствии уходил в «чистую» историю культуры. При этом основной вектор его споров с предшественниками — пересмотр их выводов через расширение контекста. Сам метод еще не отвергается, но подразумевается более ответственное его проведение.

В дальнейшем приоритеты сменяются. Уже в статье «Диккенс, Бодлер, Достоевский (К истории одного литературного мотива)» (1964) социально-политическая реальность участвует в литературном процессе только как элемент индивидуально-авторского мировоззрения: «Бодлер и Достоевский не были знакомы с произведениями друг друга, но тем не менее их творчество сравнимо. Их сближает ненависть к буржуазной морали и “здравому смыслу”»¹. «Буржуазная мораль» появляется в статье

¹ Цит. по: Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа, 2005. С. 7.

только как факт сознания, общий для двух литераторов. Далее Назиров уходит в сопоставительный анализ: «Нас интересует одна точка соприкосновения, в которой мы сравниваем Диккенса, Бодлера и Достоевского: это их подход к трагическому решению темы любви»¹. Главное на сей раз содержится уже не в реальности и ее проблемах, а в самом тексте

Могут быть приведены и другие примеры, свидетельствующие о том, что чисто социологический подход перестал удовлетворять научным интересам Назирова почти в самом начале их развития. Проблема функции и роли писателя в обществе, как и проблема влияния общественного развития на текст, из сферы этих интересов не ушли, но приобрели новое измерение.

Во-первых, появляется формулировка «этическая проблематика». Этой проблематике посвящена и кандидатская диссертация Назирова «Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859—1866 годов». Контаминация социального и эстетического у Назирова неизбежно приводит к этической постановке проблемы — лучше всего это видно по статьям, посвященным «Бесам» — «К вопросу о прототипе Ставрогина», «Петр Верховенский как эстет». По всей видимости, основная неосуществленная монография о «Бесах» планировалась именно как толкование социально-этического (с упором именно на вторую часть определения) смысла романа с выходом на его современное и вневременное нравственное значение.

В архиве ученого сохранился черновик письма Б. О. Корману (между ними завязалась полемика по поводу работы о прототипах Ставрогина), содержащий в том числе и весьма ценную формулировку целостного прочтения Назировым «Бесов»: «Суть в том, что “Бесы” вообще не являются политическим романом, как этого явно хотелось самому Достоевскому. По моему убеждению, это сага о предательстве. Ставрогин — это предатель собственного идеала, предатель гуманизма. На пути экспериментирования жизнью он дошел до того, что сделал невозможной свою собственную жизнь. Достоевский изобличает рационалистический экспериментальный метод познания, позволяющий опыты на людях (в гитлеровских лагерях смерти работали “первоклассные экспериментаторы”). Отталкиваясь от злобы дня (дело Нечаева, бакунизм, терроризм), Достоевский взлетает в сферу идеологического искусства, выводы которого возвращаются к истории, политике, XX веку, хотя сами по себе политикой не являются». Достоевский привлекал постоянное внимание Назирова своей непреходящей *этической* актуальностью.

Другое измерение такой трансформации устоявшихся методов советского литературоведения — проблема читателя. Довольно быстро в работах Назирова появляется идея об ответственности читателя, четче

¹ Там же.

всего сформулированная в «Творческих принципах», но присутствующая и во многих других его текстах: «Некоторые люди, обладающие слишком упитанной и тяжелой на подъем совестью, склонные забывать о собственных ошибках и не желающие жертвовать своим моральным комфортом ради попавших в беду соседей, прохожих на улице, соотечественников или, наконец, ради героев Достоевского, не принимают болевого эффекта и вообще творчества этого великого писателя. Они считают Достоевского “больным”, а себя “здоровыми”; они взирают на него с чувством превосходства. Приоритет “здоровья” перед совестью — это мещанская позиция»¹.

С этим ракурсом мысли связано обращение Назирова к проблемам художественного восприятия. Стоит обратить внимание на то, что речь здесь, как правило, идет о сильных эмоциональных «ответах» читателя на текст («болевого эффект», «обман читательских ожиданий» и пр.), выходящих за пределы собственно эстетического в область этики.

Р. Г. Назиров, по нашему мнению, в первые годы своей научной жизни по-своему решил одну из ключевых проблем советского литературоведения — необходимость расширения или реформирования социологического подхода. Ведь не случайно, именно в это время был «припомнен» и реактуализирован Бахтин, обрели вторую жизнь формалисты и начинается формирование тартусско-московской семиотической школы. Назиров соприкасался со всеми этими векторами развития отечественного литературоведения. Публикуемый в этом же сборнике очерк истории формализма так же, как и полемика с бахтинской концепцией в некоторых статьях² и во вводной части кандидатской диссертации, показывают широту методологической рефлексии, из которой выросли собственные творческие принципы Назирова. В архиве ученого сохранились также конспекты лекций Ю. М. Лотмана, пометки на полях которых свидетельствуют о глубоком осмыслении структурализма.

Но итоговый методологический синтез оказался вполне самобытен. Можно сказать, что в каком-то смысле Назиров все же сохранил связь с исходной точкой своего научного пути. Социологизм перерос у него в осмысление диалогических отношений текста и реальности, которые в свою очередь не могли не перевести интерпретацию в плоскость «практического разума».

Совершенно ясно, что подобная радикальная реформа социологического подхода к литературе должна быть соотнесена с традицией М. М. Бахтина. Действительно, по многим важнейшим параметрам назировское прочтение Достоевского (и не только его)

¹ Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. С. 115.

² Отчетливее всего в след. публикации: Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. Саранск, 1985. С. 24—41. Однако в большинстве работ Назирова, посвященных проблема автора и читателя в творчестве Достоевского, так или иначе возникает полемика с Бахтиным.

сближается не только с «Проблемами поэтики...», но и с целым рядом других бахтинских ключевых идей и текстов («К философии поступка», например). Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что путь методологических изменений научной позиции был начат Р. Г. Назировым до знакомства с книгами Бахтина. Закономерно и показательно, что этот путь для уфимского ученого также стал возможен именно в пространстве Достоевского

Так, становится понятна двойственная «политика» Назирова по отношению к автору «Проблем поэтики...» Собственно литературоведческая концепция Бахтина Р. Г. Назировым принималась с большими оговорками, он ограничивает сферу функционирования «диалогизма» и склонен все-таки видеть целостность (или стремление к целостности) в творческом сознании Достоевского.

Однако первый обобщающий труд ученого о Достоевском, как ясно видно даже по его названию, осуществлялся в диалоге с Бахтиным. Это неопубликованный курс лекций «Творчество Достоевского. Проблематика и поэтика», подготовленный Назировым еще 1970-х годах. Многие из материалов этой книги позднее, в более развитом и углубленном виде, вошло в «Творческие принципы Достоевского», однако многое осталось неопубликованным. Лекционный курс «Творчество Достоевского» (при том, что кое-что из его положений Назиров впоследствии пересмотрел и переделал) в некоторых аспектах предстает более целостным и масштабным трудом, чем ставшая классической монография.

Полноценно анализировать этот труд было бы с нашей стороны некорректно до его окончательной публикации. Поэтому скажем только несколько слов о публикуемой в настоящем издании лекции «Своеобразие жанра». Она интересна не только тем, что Назиров там дает свое жанровое определение романа Достоевского — «роман-житие». Сейчас эта формулировка, конечно, воспринимается не так остро, как могла бы быть прочитана сорок лет назад. С другой стороны, «житие» в тексте Назирова — термин, явно «нагруженный» дополнительными к общепринятому в науке смыслу уточнениями. Некоторые из них представляются актуальными и сейчас (к примеру, понятие «идеологического сотворчества читателя» или утверждение уникальности жанра Достоевского).

Немалый интерес представляют собой отсылки к последующей литературе. В лекционном курсе Назиров уделяет проблеме последующего развития традиции Достоевского гораздо большее внимание, чем в «Творческих принципах», где этот вопрос, по сути, только намечается. Так, в лекциях есть примечательные пассажи о Кьеркегоре, Ницше (первый упоминается в «Творческих принципах» два или три раза, второй — ни разу), Кафке в их творческих связях с русским писателем. Общий смысл назировских экскурсов в «постдостоевскую» литературу, тем не менее, негативен: Назиров убежден, что литературной традиции

Достоевского XX век в полной мере не дал, подражая только отдельным аспектам его художественного мира; Достоевский оказывается «шире» XX века.

Вместе с тем, обе книги Назирова объединены точкой зрения на творчество Достоевского как фокус, в котором совмещается прошлое и будущее — не только литературы, но и культуры в целом (см. выше рассуждение об этической актуальности Достоевского в восприятии Назирова). Дело не только в «литературности» или «интертекстуальности», хотя Назиров любил определение Достоевского А. Л. Бемом как «гениального читателя». Достоевский предстает у него как обобщение предшествующего опыта культуры, а его изучение — как возможность деятельного, ответственного, этически значительного *вхождения* в этот опыт. Движение от «Творчества Достоевского» к «Сравнительной истории фабул» отражает не только личный научный опыт Назирова, но и одну из тенденций развития отечественной культуры в целом.

На наш взгляд, в последние двадцать лет научной жизни Р. Г. Назирова определяющей была именно эта мысль. Расширение его научных интересов в докторской диссертации, обращение к фольклорно-мифологическим штудиям в этом смысле выглядят совершенно естественно. В обоих случаях Достоевский — если не центральный, то во всяком случае один из ключевых «персонажей». С одной стороны, в истории русской фабулистики он показан как едва ли не главный объединитель двух, центральных по мнению Назирова, традиций — пушкинской и гоголевской. С другой, его мифотворчество¹ ученый прочитывает, по сути, как передачу «трагедии новой истории», придавая ему тем самым очень широкий философско-исторический размах.

При этом оба вектора научной мысли «позднего» Назирова тесно связаны между собой. Так, явные «сюжетные» переклички между докторской диссертацией и статьей «Специфика художественного мифотворчества Достоевского. Сравнительно-исторический подход» заставляют предположить, что понятие «фабула» у Назирова имеет не столько формальное, сколько культурологическое или даже философско-историческое наполнение, по сути, сближающееся с «мифом». Достоевский — творец (или со-творец) и «аккумулятор» национального и — шире — европейского исторического мифа как «формы осмысления действительности» — таков, на наш взгляд, финальный результат мысли Назирова об авторе «Братьев Карамазовых». Сюжет этого мифа — трагедия «временного торжества нигилизма и тирании»². Дальше мысль Назирова могла быть развита в сторону широких историко-культурных

¹ См.: Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского // Назиров Р. Г. Русская классическая литература... С. 198.

² Там же.

обобщений и в сторону религиозно-ориентированных реинтерпретаций творчества Достоевского, актуальных в последние десятилетия.

Именно здесь, как нам кажется, нужно сказать, наконец, об актуальности назировского прочтения Достоевского для современного литературоведения. Став одним из «классиков» отечественной науки о Достоевском, он, тем не менее, совершенно очевидно «выбивается» из ее нынешнего дискурса. Выбивается, прежде всего, стилистически: говоря о серьезных научных проблемах, он умеет оставаться легким, остроумным, любящим яркое слово литератором. Дело, как нам кажется, не только в его личных эстетических предпочтениях (вообще говоря, он требовал от своих учеников внимания к форме выражения мысли), но и в особенностях самой интерпретации. Невозможно говорить о Достоевском как о *реально* актуальном для современности писателе, пользуясь дистиллированным литературоведческим языком. В задачи Назирова входил не только научный поиск, но и общественная актуализация наследия Достоевского. Способность органично сочетать научный и публицистический взгляд на Достоевского и успешно добиваться обеих целей, на наш взгляд, может послужить образцом для многих современных исследователей и литераторов, пишущих на «достоевские» темы.

Более важным нам представляется то, что Р. Г. Назиров ни в одной своей литературоведческой работе не отказался от мысли о связи литературы и действительности. Перенос приоритета с «социальной обстановки» на «художественность» писателя не означал полного забвения первого элемента; в размышлениях о «горнем» никогда не снималась «тоска по текущему». Говоря о «мифотворчестве» Достоевского, он не оставлял вниманием его острые социальные и даже политические смыслы. С этой точки зрения наследие Назирова может пригодиться современной науке, в которой наметился перекокс именно в сторону религиозно-философских и мифопоэтических интерпретаций; его подходом и его результатами вполне можно воспользоваться как необходимой прививкой здорового социологизма. Равновесие методологических подходов и интерпретационных схем (для кого-то нужное, а кем-то отрицаемое — противоречия неизбежны; этот конфликт, на наш взгляд, наиболее остро стоит именно в науке о Достоевском) в одном из своих вариантов было осуществлено в трудах Р. Г. Назирова.